

Кокорев Иван Тимофеевич

Очерки и рассказы И.Т.Кокорева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Тимофеевич К.**
Очерки и рассказы И.Т.Кокорева / Кокорев Иван Тимофеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 400 с.

ISBN 978-5-519-89778-5

ISBN 978-5-519-89778-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СБОРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Часть II.

1

Что вамъ угодно? — Охотничье ружье, которое бьетъ навѣрнякъ въ пятидесяти шагахъ, черкесскій кинжалъ, отличную лягавую собаку, свирѣпую мордашку, смѣтливаго водолаза, умную овчарку? — Пожалуйте въ Охотный рядъ въ Сборное Воскресенье, и получите желаемое. Или, можетъ быть, недостаетъ у васъ лхгдташа, пороховницы, болотныхъ сапоговъ, нѣтъ ножа для прикалыванія зайцевъ, крючка для уды, капкана на разбойника-волка? — Идите въ Охотный рядъ, и тамъ найдете все это. — Но не мудрено, что ошибаюсь я, предполагая въ васъ охотника, sportman'a? — Такъ нѣтъ ли у васъ какой-нибудь почтенной тетушки, для которой шпицъ съ ноготокъ, шерсть съ локотокъ, курносый мопсъ, плясунья-levrette, говорливый попугай, кривляка-обезьяна, самые пріятные на свѣтъ подарки? Или не найдется ли въ кругу близкихъ вамъ малень-

каго Вани, крохотки Саши, которымъ давно обѣщаны ученый чижики съ парюю козырныхъ голубей, или сладкопѣвчая канарейка, въ награду за прилежаніе?—За всѣмъ этимъ извольте отправляться въ Охотный рядъ.—Впрочемъ, очень естественно, что и здѣсь я могъ дать промахъ, и что ничего подобнаго не требуется вамъ. Нѣтъ?—Такъ не доможилъ ли вы, не желаете ли обзавестись дворовой птицей, или тѣми визгливыми животными, къ которымъ чувствовалъ сердечное расположеніе господинъ Скотининъ? — Или, можетъ быть, вы гастрономъ, и давно собираетесь сами откормить, по всѣмъ правиламъ науки кушать, пулярку да индѣйку; давно чувствуете аппетитъ на овсяннокъ и воробьевъ для паштета, на жирныхъ свиристелей для соуса, на величаваго павлина для жаркаго въ древнемъ вкусѣ?—Наконецъ, не производите ли вы анатомическихъ, химическихъ, физиологическихъ и всяческихъ изслѣдованій надъ животными, собираясь перенести ихъ потѣмъ на человѣка? Не надобно ли вамъ для этого смиренныхъ кроликовъ, зайцевъ, дворныхъ собакъ, этихъ отличныхъ субъектовъ для опытовъ надъ переливаніемъ крови? Не заводите ли вы у себя, для домашняго обихода, музея

естественной исторіи? не требуется ли вамъ для наполненія его что-нибудь изъ отечественной фауны? напимѣрь: степенный ежъ-ежевичъ, вертунья-бѣлка, сибирскій котъ, сонливые хомякъ съ суркомъ, философъ-кротъ, лиса-ивановна, злой барсукъ, волченокъ съ медвѣженкомъ, глупый лѣсовикъ, мошенникъ-коршунъ, трудолюбивый дятель, премудрая сова, болтунья-сорѣдка? Угодно что ли? — Такъ пожалуйста въ Охотный рядъ. Вы отрицательно киваете головой, смѣетесь надъ моимъ непрощенымъ усердіемъ, надъ моими предложеніями, изъ которыхъ ни одно не приходится вамъ по нраву.... да что же вы за человѣкъ? Такъ-таки и нѣтъ у васъ ни къ чему ни охоты, ни любопытства, нѣтъ никакой страсти, и отшельникомъ живете вы на бѣломъ свѣтѣ, и сердце у васъ ледяное, и кровь рыбья?... Не можетъ быть! Что-нибудь да въ состояніи же разшевелить васъ и кромѣ ремиза въ преферансъ, когда тузъ, дама, самъ-пятъ на рукахъ, или тому подобныхъ важныхъ случаевъ! — Сказать, однако, правду, мнѣ все равно: я человѣкъ уживчивый, привыкъ примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ: по мнѣ, въ Божьемъ мірѣ все хорошо; на все можно смотрѣть съ сочувствіемъ, не будучи

ни Демокритомъ, ни Гераклитомъ, безъ слезъ и безъ смѣха; но будь вы другаго, пожалуй, прогрессивнаго мнѣнія, — и я потяну на вашу сторону, лишь только сопутствуйте мнѣ въ прогулкѣ въ Охотный рядъ. Пойдемте хоть для того, чтобы, глядя на шумъ, хлопотню и суету людскую, — и все изъ-за мелочей, изъ-за пустяковъ, — имѣть право глубокомысленно произносить: «и это жизнь, и это люди! Да, правъ Лермонтовъ: жизнь глупая шутка!» — Право, такъ. Давайте разочаровываться. И Англійскій сплинъ, и наше Русское — «Мнѣ моркотно молоденькѣ» — имѣютъ свою выгодную сторону....

Но вотъ что значить сбиться съ дороги: изъ Охотнаго ряда, куда собрались идти, мы забрели въ чашуру переливанья изъ пустаго въ порожнее! Маршъ назадъ! Вотъ вамъ сапоги-самоходы — разъ-два-три, и мы опять у цѣли нашего путешествія.

Сажень за сто уже слышится шумъ, гамъ, визгъ, чиликанье, голосистое кукареку, важное криканье утки, словомъ, самая разноголосная музыка, въ которой есть всѣ звуки и недостаетъ одного согласія. Ежеминутно раздается повели-

тельное : «поди, поди, — берегись!» Народъ снуеть и взадъ и впередъ. Толпы приливаютъ то въ ту, то въ другую сторону; одинъ покупаетъ, а десятеро глазбуютъ Блины горячіе, сбитень-кипятокъ, сайки крупичаты, баранки бѣлы, гречневики поджаристы, съ масломъ гороховый кисель, макъ жареный медовой — шныряютъ во всѣ стороны и насыщаютъ алчущихъ. За угломъ, втихомолку, мальчишки затѣвуютъ орлянку, этотъ уличный банкъ, или взапуски ломаютъ копеечные пряники. Раекъ тѣшитъ толпу слушателей самодѣльными остротами. Но мимо все это.... Мы въ птичьемъ царствѣ. Начинается оно голубями. И какихъ тутъ нѣтъ! Чистые, турманы красные и черные, козырные, двухохлые, махровые, тульскіе, гордые, трубастые, деликатные, огнистые, египетскіе дутыши, сизяки, чинно посиживаютъ въ плетушкахъ, ожидая покупателей. Далѣе тянется длинный рядъ саней съ птицами пѣвчими. На каждыхъ саняхъ торчитъ по дереву, на каждомъ отросткѣ дерева виситъ по нѣскольку клѣтокъ, и въ каждой клѣткѣ сидитъ по нѣскольку птичекъ. Извѣстно, въ неволѣ что за пѣсни, и чиликаютъ себѣ бѣдняжки, попрыгивая съ жердочки на жердочку, да вспоминая — кто воль-

ную волю , кто милую подругу. А если бы за-
пѣли онѣ всѣ — что̀ ваша Итальянская опера!
Колокольчикомъ зальется овсянка, сорокъ колыбѣ
начнетъ выводить остроглазая синичка , бойко
защебечетъ шалунъ-чижикъ, десять ладовъ пере-
пробуетъ смѣтливый скворушка , словно дверь ,
заскрипитъ малиновый щуръ , молодецкимъ по-
свистомъ свиснетъ поддорожникъ, искусно пере-
дразнитъ барана болотный барашекъ, лучше ту-
рецкаго барабана задолбитъ дятель, бубенчиками
и мелкой дробью разсыплется красавица-канарей-
ка , защелкаетъ , засвиститъ , зальется и всѣхъ
заглушитъ своей сладкой пѣсенкой душа-солову-
шко.... Даже и молчаливый снегирь , которому
Богъ не далъ добропорядочнаго голоса , и онъ
не ударилъ бы себя въ грязь лицомъ передъ
почтеннѣйшими зрителями: фокусы бы разные
сталъ показывать, потому что, не смотря на свою
степенную наружность и красный мундиръ, онъ
большой шуткарь. А то нѣтъ: чиркъ , чиркъ ,
чиркъ, тью, тью, тью, только и есть.

Какъ же велика цѣна талантамъ , скрытымъ
подъ спудомъ? Да какъ разъ по карману тому
возрасту, который еще самъ, словно птичка, жи-

ветъ на свѣтъ безъ печалей и заботъ, и располагаетъ лишь тѣми деньгами, что пожалуетъ *rara* съ *tata*, тятенька съ маменькой, или добрая бабуся. На одинъ гривенникъ можно купить чижа съ синичкой, а на другой—кѣтку и корму для нихъ. Канарейки и соловьи цѣнятся гораздо дороже; только хорошихъ птицъ продавцы рѣдко выносятъ сюда: среди шумнаго, разнообразнаго чиликанья не мудрено сбиться съ голоса и самому лучшему пѣвуну; гдѣ одинъ другому слова выговорить не дастъ, тамъ краснорѣчіе не у мѣста. А если вамъ угодно крылатую примадонну или пѣвца съ бархатнымъ голоскомъ, извольте, представимъ первый сортъ. Только ужъ не жалѣйте золотой казны, не думайте удовлетворить свое желаніе какимъ-нибудь десяткомъ рублей. Пойдемте къ охотнику; не одинъ онъ здѣсь, но я поведу васъ къ первостатейному; а чтобъ знали вы, съ кѣмъ будете имѣть дѣло, расскажу главные черты его жизни.

Ему слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Половину ихъ онъ провелъ въ домѣ вельможнаго барина Екатерининскихъ временъ, страстнаго охотника, и былъ у него сперва простымъ псаремъ, а по-

томъ доѣзжачимъ. Живо помнитъ старикъ молодые свои годы, и увлекательно рассказываетъ о великолѣпныхъ охотничьихъ поѣздахъ того времени, когда, бывало,

Пора, пора! Рога трубятъ,
 Псари въ охотничьихъ уборахъ
 Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
 Борзые прыгаютъ на сворахъ....

По смерти барина, онъ получилъ отпускную, но за то остался почти безъ куска хлѣба, и долго не зналъ, куда приклонить одинокую голову. Пойдетъ то къ тому, то къ другому господину, у которыхъ были псовыя охоты — никому не надобно его услугъ, свои люди есть. Дѣлать нѣчего, побрелъ бывшій доѣзжачій въ Москву. Въ Бѣлокаменной, извѣстное дѣло, развѣ только безрукому не найдется работы. Сталъ Степанъ Михайловъ промышлять стрѣльбою дичи, и хоть съ грѣхомъ пополамъ, а кормился кое-какъ. Да на бѣду, поѣхалъ онъ разъ »позабавиться« съ дилетантами охоты, и одинъ изъ нихъ, у котораго рука вѣрнѣе управляла бильярднымъ кіемъ, чѣмъ ружьемъ, какъ-то удосужился всадить ему ползаряда дроби въ правое плечо. Долго